ИСПАНИЯ – ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: К ПРОБЛЕМЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В современной науке для изучения латиноамериканской культуры широко и плодотворно используется цивилизационный подход. Это дает возможность исследовать разнообразные феномены культуры с учетом специфики конкретной цивилизации, ментальности этноса, населяющего тот или иной регион, а кроме того, позволяет избегать европоцентристского подхода, признавая за каждой культурой ее уникальность и неповторимость. Одним из важнейших вопросов культурологии, который довольно оставался спорным, является вопрос продолжительное время 0 межцивилизационного взаимодействия и его границах. Особенно это актуально в рамках латиноамериканистики, так как Латинская Америка явилась результатом столкновения изначально чужеродных цивилизаций – иберийской, индейской и африканской, но, например, грузинский философ М. Мамардашвили в своей работе «Другое небо» высказывает точку зрения об отсутствии в Латинской Америке культуры как системы, утверждая тем самым мысль о неплодотворности межцивилизационного контакта. Однако отрицать плодотворность межцивилизационных контактов в Латинской Америке, на наш взгляд, нецелесообразно, и мы попытаемся проследить некоторые аспекты данной проблемы на примере праздничной культуры Испании и Латинской Америки.

Латинскую Америку часто называют самым «праздничным» континентом, а одним из наиболее ярких и известных на весь мир латиноамериканским праздником считается карнавал. Это не случайно, поскольку карнавал является скорее конкретным проявлением специфики латиноамериканской праздничной культуры в целом, а не просто очередным праздником в списке. Это обусловлено, в первую очередь, историческим развитием самого континента, наличием тех характеристик, по которым мы можем отнести Латинскую Америку к «пограничным» цивилизациям планетарного масштаба.

Я. Г. Шемякин отмечает, что праздник имеет две важные функции, которые, с одной стороны, противоречат друг другу, с другой – взаимосвязаны. Это ритуальнопартиципативная и ритуально-смеховая функции. «Различные виды праздников в разные эпохи в тех или иных культурах характеризуются различным соотношением выделенных функций: преобладание той или другой определяет историческое «лицо» какого-либо праздника» (Шемякин 2002: 348). В зависимости от того, какая функция доминирует в празднике, его можно отнести либо к партиципативному типу, либо к ритуально-смеховому. К первому типу относятся прежде всего религиозные праздники, где все пропитано атмосферой серьезности, развлекательный элемент здесь почти сведен к минимуму. Такой тип праздника, по мнению Я. Г. Шемякина, преобладает в классических цивилизациях, отличающихся целостностью религиозно-мировоззренческого фундамента, единой системой ценностей. Ритуально-смеховой тип празднеств – это те, где ярко выражено смеховое, игровое начало, «переворачивание» существующих норм и ценностей, выход за их пределы. Это, как правило, праздники, где превалируют карнавальные черты. Такой тип характерен именно «пограничным» цивилизациям, к которым и относится Латинская Америка. В условиях межцивилизационного взаимодействия, столкновения различных ритуально-смеховая функция в празднике может стать интегрирующим началом. «Праздник, особенно в его ритуально-смеховой ипостаси, - это, как уже отмечалось, всегда выход за пределы существующих норм, состояние свободы от доминирующих ценностей. Поэтому именно в сфере праздника, в которой культура выходит за пределы собственных, ею же санкционированных норм и ценностей, легче всего осуществляется контакт первоначально, как правило, чуждых друг другу цивилизационных традиций» (Шемякин 2002: 355).

В этой связи, как отмечает автор, на Западе большее значение имеют прежде всего календарные религиозные праздники, например, Рождество. В Латинской Америке также отмечаются религиозные праздники, но главным среди всего спектра является все же карнавал.

Говоря о «карнавальной» основе праздничной культуры Латинской Америки нельзя обойти вниманием исследование карнавальной культуры известного исследователя М. М. Бахтина. В своем труде «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтин утверждает, что наиболее ярко и полно карнавальная жизнь проявилась в эпоху Возрождения, она была присуща и официальной жизни и мировоззрению в целом. Автор пишет: «До второй половины XVII века люди были непосредственно причастны к карнавальным действам и карнавальному мироощущению, они еще жили в карнавале, то есть карнавал был одной из форм самой жизни. Поэтому карнавализация носила непосредственный характер (ведь некоторые жанры даже прямо обслуживали карнавал). Источником карнавализации был сам карнавал» (Бахтин 1963: 175). Однако, по мнению М. М. Бахтина, начиная с XVII века карнавальная жизнь идет на убыль, формы ее оскудевают и упрощаются, она более не является всенародной, а на ее место приходит придворно-праздничная маскарадная культура, которая тем не менее заимствовала некоторые карнавальные формы и символы. С этого времени, убежден исследователь, карнавал утратил свое значение и былое богатство форм.

Очень важно, как подметил В. Л. Хайт, что М. М. Бахтин наибольшее воздействие карнавальной жизни на сознание, культуру и мироощущение людей относит к периоду конкисты и процессу христианизации в Новом Свете. Именно тогда и была перенесена на континент карнавальная традиция. Об этом свидетельствуют первые христианские праздники в Новом Свете, организовывавшиеся не без участия францисканцев, перенесших в Латинскую Америку то отношение к смеху, которое было выработано Франциском Ассизским и оказало влияние на католическую культуру в целом. М.М. Бахтин в связи с этим акцентировал внимание на мировоззренческой позиции Франциска с его «духовной веселостью («laetitia spiritualis»), с благословением материально-телесного начала, со специфическими францисканскими снижениями и профанациями», и утрированно называл это карнавализованным каталицизмом.

Если внимательно приглядеться, то отмеченная М. М. Бахтиным специфика, присущая европейскому карнавалу и празднествам карнавального типа, проявляется и в латиноамериканской праздничной культуре, но в силу ее особенности, выше обозначенные характеристики претерпели определенные изменения.

Согласно утверждению о том, что празднество — это первичная форма культуры, исследователи-латиноамериканисты делают вывод, что именно во время праздника и формировалась культура Латинской Америки, поскольку она возникла «в особом креативном поле — в поле Первозданности, что определяет культуротворчество здесь, как Первотворчество. (...) Латиноамериканец начинал твориться в ходе христианизации как новый тип, прежде всего, через праздник, то есть как Homo Feriatus» (Земсков 2002: 9).

Инверсия, принцип «перевертывания», характерный для европейского карнавала также ярко представлен и в латиноамерканской праздничной культуре, но выражается он не в отмене иерархических отношений, когда король и шут, например, меняются на время местами, а «цивилизационным» перевертыванием. «...Сложившаяся иерархия соотношения различных цивилизационных пластов в разнородном социокультурном космосе обеих «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба, характеризующаяся доминантой европейско-христианского начала при сохранении значительной языческой составляющей, «перевертывается» и на время праздника на поверхность «всплывает» языческомифологическая архаика: в латиноамериканском контексте — это и восходящие к древним архетипам индейские и африканские традиции «праздничного» поведения, и архаические пласты самой европейско-христианской традиции...» (Шемякин, Шемякина 2008: 61).

В данном случае, как справедливо отмечает Я. Г. Шемякин, на латиноамериканской земле отмена социальной иерархии на время праздника, о которой говорит М. М. Бахтин, может привести к ее полному распаду уже в послепраздничное время, поскольку такие иерархии должны быть устойчивы, а в условиях цивилизационного «пограничья» такой устойчивости нет.

Относительно амбивалентности различных праздничных элементов и явлений — они сохраняются и в латиноамериканском празднике — это и ритуальные осмеяния, избиения, смех, а кроме того, ряд карнавальных персонажей, которые принимают обязательное участие в празднике.

М. М. Бахтин выделяет еще одну важную особенность карнавала — наличие особой территории, а именно — площади и особого времени — ярмарочных дней. Ученый писал: «Праздничная площадь объединяла громадное количество больших и малых жанров и форм, проникнутых единым неофицальным мироощущением» (Бахтин 1965: 171). Как подмечает в связи с этим В. Л. Хайт, западноевропейские города в средние века имели две площади, которые функционально значительно различались: соборную и торгово-ратушную. Первая символизировала собой область сакрального, вторая же — область профанного. В городах же Нового Света одна площадь совмещала в себе все функции сразу, на ней проходили парады, религиозные празднования, бои быков. Как справедливо подмечает В. Л. Хайт, такая площадь представляет собой своеобразный карнавальный театр, где нет разделения на участников и зрителей, нет рампы.

Другим ярким примером наличия карнавальных элементов может служить христианский праздник День Всех Святых, или День мертвых, который именно в Мексике приобрел наибольшую самобытность, хотя так же как и карнавал имеет европейские «корни». В Латинской Америке этот праздник еще называют карнавалом мертвых. Это закономерно, поскольку, как отмечалось ранее, своеобразными символами праздника мертвых являются в первую очередь калавера и калака — жизнерадостные изображения скелетов и черепов. Калаверу можно назвать настоящим карнавальным образом, который находится на пересечении реального и идеального, стирая грань между жизнью и смертью. А.Ф. Кофман отмечает, что калавера превращает этот праздник в своеобразный карнавал с характерными элементами маски и ряжения, но здесь на первый план выходит все-таки другой мотив — мотив обнажения. Правда особенность этого обнажения заключается в том, что снимается не одежда, а кожа и плоть, соответственно обнажается не тело, а скелет.

Таким образом, характерные особенности карнавальной культуры обозначенные М. М. Бахтиным, проявляются в латиноамериканской праздничной культуре, но смысловое их наполнение несколько иное.

Говоря о карнавальной основе праздничной культуры Латинской Америки, важно отметить, что в Новый Свет были перенесены, в первую очередь, праздничные традиции Испании. В статье исследователя А. Н. Кожановского «Традиционные праздники в Испании нового времени» говорится, что можно обнаружить карнавальные элементы во многих календарных праздниках, в том числе и религиозных. Автор отмечает, что «карнавальные мероприятия» начинались задолго до трехдневного празднования непосредственно карнавала. Так, наглядным примером может служить празднование дня Святой Агнеды, покровительницы женщин. «... во многих испанских населенных пунктах происходил своего рода социально-половой переворот, и все общественно-административные посты, в обычное время занятые, разумеется, мужчинами, переходили (начиная с должности главы местной администрации — алькальда) к женщинам. На границах селения в этот день выставлялись заставы, которые брали дань с приезжих и проезжающих мужчин» [Кожановский 2002: 128]. Здесь ярко проявляется один из главных карнавальных законов «переворачивания» установленных порядков и правил.

После трехдневного карнавала начинается Великий сорокадневный пост, имеющий название «куаресма». В эти дни изготавливалось чучело доньи Куаресмы – тощей старухи, олицетворяющее пост, которую по истечении двадцати дней было принято торжественно распиливать пополам. Кроме того, это был день, когда вопреки всем правилам и нормам поведения молодежь позволяла себе непочтительное отношение к пожилым женщинам, осмеяния и символические угрозы в их адрес. Карнавальные черты также проявлялись и в праздновании Рождества. Интересное описание Рождества в Мадриде дает Бомарше: «Прошлой ночью Мадрид поистине являл собой картину римских сатурналий, – было поглощено невообразимое количество явств, под видом веселья в храмах царила необузданная распущенность: кое-где монахи плясали на хорах с кастаньетами в руках; народ веселился вдвойне, вооруженный жестянками, свистками, пузырями, трещотками…» (Бомарше 1966: 406-407).

Таких примеров наличия карнавальных элементов в различных календарных христианских праздниках Испании можно привести еще довольно много. Все это говорит о степени карнавализированности испанской праздничной культуры в целом, которая затем была перенесена на латиноамериканскую землю, но, столкнувшись с автохтонными культурами, претерпела ряд изменений, хотя свою «карнавальную» основу сохранила и здесь.

Таким образом, неудивительно, что сегодня карнавал называют «королем» латиноамериканских праздников, а карнавальные элементы органично вписываются в другие празднества, в том числе и носящие религиозный характер. Карнавальная основа праздничной культуры Латинской Америки дает о себе знать на протяжении всего календарного «праздничного» года, это обусловлено «пограничным» состоянием латиноамериканской цивилизации и является результатом процесса межцивилизационного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. М., 1963. С. 175.
- 2. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. М., 1965 С. 171.
- 3. *Земсков В. Б.* Праздник в устойчивой и формирующейся цивилизациях / В. Б. Земсков // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М., 2002. С. 9.
- 4. *Кожановский А. Н.* Традиционные праздники в Испании нового времени / А. Н. Кожановский // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М., 2002. С. 128.
- 5. *Хайт Л.В.* Карнавал и карнавализованность латиноамериканского искусства и архитектуры / Л. В. Хайт // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М., 2002.
- 6. *Шемякин Я. Г.* Латиноамериканский праздник как предмет цивилизационного исследования // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М., 2002. С. 348.
- 7. *Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д.* Латиноамериканский карнавал и карнавализированные формы русской культуры: попытка сравнения // Латинская Америка, 2008. №6. С. 61.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бомарше. Избранные произведения: в 2 т. М., 1966. Т. П. Письмо герцогу де Ла Вальер из Мадрида 24 декабря 1764 года. С. 406–407.